А44 7/5
Автограф
14 7/5
М. И. СОКОЛОВ
По пап. „Славист." 8, №10.

СЛОВО

въ день тысячелѣтія священной памяти преставленія иже во святыхъ отца нашего

МЕѲОДІЯ

АРХІЕПИСКОПА МОРАВСКАГО, АПОСТ. СЛОВЕНСКАГО.

Протоіерея Рыбинскаго собора
І. ШИРЯЕВА.

ЯРОСЛАВЛЬ.
1885.

М*И*СОКОЛОВ

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ПРЕСТАВЛЕНІЯ ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

МЕѲОДІЯ

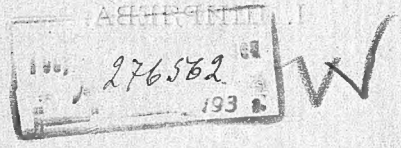
Архіепископа Моравскаго, Апостола Словенскаго.

Протоіерея Рыбинскаго Собора

І. ШИРЯЕВА.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-лит. Г. Фалькъ. Духовская ул., соб. д.
1885.

Печатать дозволяется. Спб. 21 Мая 1885 г.



«Аще и многи пѣстуны имате о Христѣ, но не многи отцы: о Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ» (1 Кор. IV, 15).

Этими словами Св. Ап. Павла наилучшимъ образомъ освѣщается высокое значеніе и разумъ совершаемаго въ сей день всѣмъ православно-славянскимъ міромъ священно-церковнаго торжества. Имъ чтится десятивѣковая память блаженной кончины одного изъ первовиновниковъ въ быстромъ насажденіи и распространеніи среди всѣхъ нынѣ живущихъ славянскихъ племенъ и народовъ Святой соборной и апостольской вѣры въ Іисуса Христа, чтится память Святителя Меѳодія, Архіепископа Моравскаго, но чтится совмѣстно съ блаженною памятію младшаго брата его Константина (въ иночествѣ Кирилла). Урожденцы г. Солуня эти два великіе и святые брата отъ времени ихъ высокоблаговѣстническаго подвига во всемъ христіанскомъ мірѣ обычно именуются словенскими апостолами.

Многочисленна и многовидна даже по мелкимъ оттѣнкамъ и крупнымъ особенностямъ говора своего эта великая славянская семья, далеко не одинаковой мѣры и степени духовно-разумный ростъ ея разновидностей и большихъ и малыхъ; не одинаковы и стяжанія ихъ въ сферахъ гражданственности и того *образованія*, что̀ апостолъ называетъ *тѣлеснымъ* (1 Тим. IV, 8); не сохранилось между ними единомыслія даже въ благовѣствованіи о Христѣ Іисусѣ, которое всѣ они вначалѣ воспріяли, прямо или посредственно отъ своихъ равноапостольныхъ первоучителей. Но для всѣхъ приблизительно сорока поколѣній славянскихъ, что̀ преемственно смѣнялись и, множась, возрастали въ настоящую, свыше ста милліонную численность за минувшее тысящелѣтіе, Святитель Меѳодій съ приснопамятнымъ братомъ своимъ былъ неизмѣнно тѣмъ же, даже въ несравненно болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ былъ для коринѳскихъ христіанъ своего времени Св. Ап. Павелъ, когда говорилъ имъ: *о Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ*. Первоотцами они были для всѣхъ славянъ своего и послѣдующаго времени въ духовномъ ихъ рожденіи, не по благовѣстію имъ только вѣры во І. Христа: въ этомъ подвигѣ еще были у нихъ предшественники, начиная съ Апостола Андроника, единаго отъ 70-ти, спутника Павлова, но потому главнымъ образомъ, что самое это благовѣстіе они первые принесли новообращаемымъ славянамъ на родномъ всякому въ средѣ ихъ понятномъ языкѣ, впервые воплотили его въ звукахъ славянской рѣчи, и самой этой рѣчи впервые даровали вѣчно-живущій обликъ въ нарочито-изобрѣтенныхъ для нея письменахъ. Пусть въ благовѣстіи о Христѣ племена славянскія, и нѣкоторыя изъ нихъ даже въ боль-

шинствѣ послѣдующихъ своихъ поколѣній, остались не всѣ единомысленны со своими равноапостольными первоучителями. Но развѣ можно указать въ поколѣніяхъ и времени какой-либо предѣлъ тому вѣчно-жизненному достоянію, которое получила отъ этихъ первоотцевъ славянскаго христіанства славянская рѣчь и письменность? Для первой какъ бы *рожденіемъ свыше* (Іоан. III, 3) и *помазаніемъ отъ Святаго* (1 Іоан. II, 20) было то, что эта рѣчь, прà-языкъ всѣхъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій, впервые возведена ими изъ состоянія дикаго и темнаго младенческаго лепета на высоту полной довлеемости для выраженія глубочайшихъ созерцаній ума Божественнаго и человѣческаго въ переводахъ на нее Божественныхъ писаній, богослужебныхъ книгъ и даже законоположеній церковныхъ. Для славянской письменности такое же значеніе имѣетъ то, что съ минуты появленія на свѣтъ первыхъ элементовъ ея буквъ ей указано самое высокое и величественное служеніе—быть въ роды родовъ живою хранительницею и благонаучительною вѣщательницею глаголовъ живота вѣчнаго, которые сами по себѣ *духъ суть и животъ суть* (Іоан. VI, 63).

Так.-обр. святитель Меѳодій, наипаче потрудившійся въ славянскомъ благовѣстіи о Христѣ и въ письменномъ преложеніи на нее божественныхъ писаній, что̀ служатъ *къ* христіанскому *наученію, ко исправленію и къ наказанію еже въ правдѣ* (2 Тим. III, 16), положилъ вмѣстѣ съ блаженнымъ братомъ своимъ неизгладимую печать жизненности и довлеемости къ безпредѣльному дальнѣйшему усовершенствованію на всю необъятную область живаго и письменнаго славянскаго слова, которымъ существенно посредствуется весь многочастный кругъ духовно-разумнаго развитія человѣческаго во всѣхъ

сферахъ знанія, науки и искусства. Так. обр. первоапостолы въ вѣрѣ христіанской стали для всей славянской семьи первоотцами всего духовноразумнаго развитія.

Православный народъ Славяно-Русскій! Не первый ты конечно, и великое Богу благодареніе,—не единственный между исшедшими изъ обще-славянской колыбели племенами, что̀, получивши наслѣдіе святой вѣры отъ великихъ первоучителей словенскихъ, изначала хранилъ, и доселѣ хранитъ его въ неповрежденной чистотѣ и цѣлостности. Съ тобою хранитъ его еще многомилліонная семья твоихъ братій, православныхъ до нынѣ, въ Румыніи, Болгаріи, Сербіи и Черногоріи и другихъ земляхъ, которые всѣ твоею мощію и цѣною потоками пролитой крови твоей исхищены и исхищаются постепенно изъ подъ тяжкаго ига враговъ креста Христова. Но изъ всей доселѣ живущей великой семьи славянской ты единственный, у котораго и правовѣрное, единомысленное съ Грековосточною церковію благовѣстіе о Христѣ, и весь богослужебный славянскаго языка чинъ, первоучителями словенскими обоснованный и освященный, и все законоположенное церковное—краеугольнымъ камнемъ легли въ основу всего твоего домостроительства, и внутренняго и внѣшняго, и церковнаго, и гражданскаго. Для твоихъ предковъ, многохвальныхъ столько же, сколько и многострадальныхъ строителей твоего нынѣшняго въ семьѣ славянской безпримѣрнаго могущества и славы, все это священное наслѣдіе отъ Св. Апостоловъ Словенскихъ—въ лѣта̀ многія болѣе чѣмъ за двѣ трети вѣковъ историческаго бытія твоего, было пѣступомъ и руководителемъ въ складѣ всего ихъ міросозерцанія не только въ вопросахъ и потребностяхъ религіозно-нравственнаго порядка, но и во всѣхъ узаконительныхъ рас-

порядкахъ жизни общественной и домашней. Такъ благодатно-растимо и плодоносно было священное наслѣдіе вѣры святой отъ твоихъ первоотцевъ, что, по слову пророческому, *царіе твои* изначала были и пребываютъ доселѣ *кормителями твоими* въ жизнь вѣчную *и княгини ихъ кормительницами твоими* (Ис. VII, 23). Памятуя слова присноблаженнаго примыслителя словенскихъ письменъ—Св. Кирилла, что „просвѣщать безъ письмени то же значитъ, что писать бесѣду на водѣ“, цари твои изначала самымъ священнымъ дѣломъ своимъ считали устроеніе училищъ и всяческое споспѣшествованіе наученію отроковъ чтенію божественныхъ книгъ церковнословенскихъ, какъ Ярославъ мудрый и супруга Равноапостольнаго Владиміра—Греческая царевна Анна. Или же нещадно иждивали сокровища свои на пріумноженіе священной письменности въ землѣ своей, прелагая на словенскій языкъ творенія Св. Отцевъ греческихъ, или составляя разнообразные и многочисленные изборники изъ нихъ, какъ блаженной памяти Князья Святославъ Черниговскій и Ростиславъ Смоленскій.

И такъ какъ благовѣстіемъ о Христѣ, въ словенскихъ письменахъ запечатлѣннымъ и воспріятымъ живою вѣрою въ Него, возженъ былъ первый свѣточъ истиннаго просвѣщенія въ нашей землѣ Русской среди мраковъ облежавшаго ее языческаго многобожія и суевѣрія; то и въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ до временъ новѣйшихъ это просвѣщеніе всецѣло запечатлѣно было священно-церковнымъ характеромъ. Оно и начиналось всегда, и продолжалось, и развивалось, и завершалось главнымъ образомъ изученіемъ книгъ церковно-богослужебнаго круга, писаній божественныхъ въ собственномъ смыслѣ (т. е. къ священной библіи принадлежащихъ) и святооте-

ческихъ. Изученіе буквъ словенскихъ или, по обычному тогда названію, „наученіе божественнымъ письменомъ“, часословъ и псалтирь, да наставленіе практически пользоваться церковнымъ мѣсяцесловомъ или святцами,— вотъ тѣ первые и безотложные элементы, которыми отъ вѣковъ древнихъ вчиналось просвѣщеніе православно-русскаго человѣка и въ палатахъ царскихъ, и въ хоромахъ бояръ, и въ домахъ людей служилыхъ и торговыхъ, и въ хижинахъ бѣдняковъ. Да и руководителями такого просвѣщенія были почти исключительно лица церковнаго чина. А храмъ Божій со строго-уставовымъ порядкомъ, съ широтою и многообразіемъ богослужебныхъ чиновъ и послѣдованій представлялъ собою для нашихъ предковъ того далекаго времени самую высокую ступень просвѣщенія, которой достигнуть и на которой утвердиться твердымъ знаніемъ и возможнымъ разумѣніемъ ея высокаго содержанія было послѣднею вождѣленною цѣлію искренне-боголюбиваго питомца священно-церковной письменности. Обители святыя, „слезъ теченьми“ ангелоподобныхъ своихъ первооснователей, ихъ „постомъ, бдѣніемъ и молитвами“ воздвигнутыя и оживившія собою безплодіе и безлюдность пустынь и дебрей земли русской, были не только первыми разсадниками сего духовнаго просвѣщенія, но и проводниками его въ сердечную глубину древне-русскаго человѣка, охранителями его крѣпости, какъ столпы незыблемые. Благоговѣніе предъ святынею и умилительностію ихъ строго-уставнаго богослуженія и распорядка обительной жизни было причиною того, что этотъ уставъ обительный многими и существенными чертами входилъ въ домашнюю жизнь и строй ея у мірскаго люда, на всѣхъ ступеняхъ его разнообразнаго общественнаго положенія. И конечно

на немъ главнымъ образомъ воспиталась и при его воздѣйствіи развилась и окрѣпла та святыня и незыблемость всѣхъ іерархическихъ отношеній между членами круга семейнаго, общественнаго и цѣло-государственнаго, о коей такъ умилительно свидѣтельствуетъ наша добрая сѣдая старина и которая видимо слабѣваетъ и блѣднѣетъ за послѣднія времена нашей народной жизни. Святыня храма Божія, съ его священною уставностію, такъ дорога была сердцу стариннаго русскаго человѣка, что безъ обѣта на пользу храма, безъ жертвы на пріумноженіе благолѣпія его онъ не вчиналъ и не завершалъ ни одного чуть-чуть важнаго дѣла. Возведеніе своихъ собственныхъ храмовъ считалось чуть не обязательнымъ для всякаго избыточествующаго довольства, и вотъ обычное явленіе тѣхъ временъ — свято-мирное, но неутомимое соперничество князей и вельможъ въ возведеніи храмовъ, чему памятникомъ и доказательствомъ служатъ древніе наши грады, преизбыточествующіе сею святынею. И всякій православно-русскій грамотѣй какъ же зналъ тогда и распорядокъ службъ и молитвъ церковныхъ и священные дни церковныхъ праздниковъ,— великихъ, среднихъ и малыхъ, и посты, и всякій церковный уставъ о нихъ, и дни памятей святыхъ Божіихъ человѣковъ!

Но я не кончилъ бы своего слова, исчисляя умилительныя черты распорядковъ и священныхъ обычаевъ древне-русской жизни, развивавшейся всецѣло подъ вліяніемъ церкви и ея святыхъ уставовъ. Не умерли, конечно, не изчезли совсѣмъ съ лица земли русской эти распорядки и обычаи; но какъ они быстро стали рѣдѣть и умаляться на памяти даже моего, еще не самаго глубоко-старческаго возраста!.... А между тѣмъ подъ сѣнію

этого древне-русскаго просвѣщенія какія лютыя и тяжкія времена пережила русская народность, русская земля и ея ростъ и строй—и государственно-гражданскій и церковный! Сколько разъ, „въ мертвецѣхъ вмѣняяся“, оживала она исполиномъ, и, изгибнувши отъ неисцѣльныхъ, повидимому, вражескихъ ударовъ, отъ собственныхъ нестроеній и отъ карательныхъ вразумленій Десницы Божіей, вдругъ возникала въ дивномъ величіи блеска, могущества и славы, на страхъ врагамъ! А намъ родной языкъ русскій—самое присное чадо церковно-славянской рѣчи.... чему онъ обязанъ настоящею высотою своего развитія, своего богатства и довлеемости къ ясной и точной передачѣ не скончавающихся стяжаній ума въ необъятной области знанія и науки? откуда получилъ онъ эту величавость и изящество выраженія для самыхъ глубокихъ созерцаній духа, для самыхъ идеальныхъ требованій красоты во внѣшней его, словесной формѣ? Все изъ тогоже древне-русскаго, духовно-церковнаго просвѣщенія; отъ своего начальнаго, многовѣковаго воспитанія и созрѣванія въ сферѣ изумительно-высокой и богатой церковно-славянской письменности. Не говоря о нашихъ высокаго достоинства богословахъ и церковныхъ ораторахъ, наши замѣчательнѣйшіе ученые (напр. Ломоносовъ), наши историки (напр. Карамзинъ и Соловьевъ), наши поэты (напр. Державинъ, Дмитріевъ, Языковъ и даже Пушкинъ) и почти всѣ лучшіе наши писатели почерпали и силу, и богатство и изящество своего слова все въ томъ же неистощимомъ источникѣ. А его начало откуда? Гдѣ первородникъ сего источника? Все въ тѣхъ священныхъ, безсмертно-приснопамятныхъ стяжаніяхъ и трудахъ, которыя были совершены нашими великими словенскими Апостолами въ области словенской рѣчи и

письменности. *Приложившіяся имъ*, какъ духовнымъ изыскателямъ глубинъ Духа Божія, *вѣщанія доброты* (изъ твор. Гр. Б—ва,) пошли въ наслѣдіе и всѣмъ благоговѣйнымъ питомцамъ ихъ вѣщаній, какъ соотвѣтствующій сѣмени плодъ.

Конечно, совсѣмъ почти не тотъ складъ, не тотъ характеръ нынѣ господствующаго въ землѣ русской просвѣщенія. И выше средній уровень его, и многостороннѣе оно, и шире область его дѣйствія. Но можно-ли забыть, или лучше можно ли безъ скорби помнить, что, за недавніе, недоброй памяти годы, оно съ своими исключительно мірскими задачами и цѣлями, съ своимъ исключительнымъ тяготѣніемъ къ европейскому западу, (котораго всѣ вѣянія и направленія такъ тщилось отображать въ себѣ), съ самохвальнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ урокамъ и завѣтамъ нашей доброй старины, почти съ открыто враждебнымъ отношеніемъ къ религіознымъ потребностямъ вообще, и въ частности къ уставамъ, задачамъ и цѣлямъ церковно-православнаго строя народно-русской жизни, можно ли, говорю, безъ скорби знать и памятовать, что господствующее нынѣ въ землѣ русской просвѣщеніе мірское со всѣми этими характерными болѣзнованіями нерѣдко давало и даетъ поводъ жалѣть о томъ древне-русскомъ просвѣщеніи. Пусть это послѣднее было скудно для удовлетворенія всѣхъ запросовъ живой текущей жизни мірской, въ разнообразныхъ сферахъ ея; но за то оно налагало низгладимую печать на своихъ питомцевъ, дѣлало ихъ истинно-русскими людьми, вкореняло въ нихъ какъ великую, страшную и неприкосновенную святыню не только незыблемыя основы могучаго и славнаго роста ихъ земли родной, каковы—православіе въ вѣрѣ, единодержавіе самодержавныхъ царей ея и беззавѣтная любовь къ своей народности;

но и самый дымъ родины оно дѣлало и дѣлаетъ, по выраженію поэта, сладкимъ и пріятнымъ, т. е. даже ея болѣзни и нестроенія близкими каждому русскому сердцу, какъ свои личныя, какъ горе кровное, тяжкое, но дорогое. И какъ нашъ пѣстунъ и воспитатель въ вѣрѣ святой—православной, какъ ея бодренный въ насъ охранитель, за многіе вѣки какъ воспитатель въ беззавѣтной любви къ самодержавнымъ царямъ нашимъ и ко всему родному русскому, не заслуживаетъ ли оно, это единственное на пространствѣ осьмивѣковой нашей старины просвѣщеніе, не заслуживаетъ ли оно, говорю, и теперь нашего полнаго сердечнаго къ нему сочувствія, самой пламенной энергической заботы нашей объ оживленіи его, о возможно-большемъ разширеніи области его дѣйствія, о возбужденіи и поддержаніи его силъ для бодренной и славной стражбы его за охраною завѣтныхъ началъ народно-русской жизни? Настоящее всероссійское, православно-славянское торжество въ честь первоапостоловъ и первонасадителей нашей вѣры и самого этого просвѣщенія какъ самого вѣрнаго ей сотрудника, именно къ тому отечески—влаственно зоветъ и нудитъ весь славяно-русскій народъ православный. Эти священныя изображенія святыхъ братій Меѳодія и Кирилла, съ неотразимою силою, въ сей день тысячелѣтней памяти перваго оживляютъ въ нашей памяти, что всѣ духовныя стяжанія нашихъ предковъ, (а слѣд. и ихъ потомковъ времени настоящаго), стяжанія въ вѣрѣ и благочестіи по духу православія, и всѣ стяжанія умственныя въ области роднаго слова, все это *пошло есть*, говоря языкомъ лѣтописца, отъ ихъ безсмертныхъ трудовъ на пользу славянской грамоты, славянской письменности и славянскаго Богослуженія. По изволенію БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НАШЕГО ИМПЕ-

ратора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, подобно всѣмъ царственнымъ предкамъ своимъ стоящаго во главѣ вчинанія всякаго всенароднаго блага, вотъ теперь повсюду, при горячемъ содѣйствіи нашихъ Архипастырей, вчинаются *церковно-приходскія* школы, со всѣмъ древнимъ распорядкомъ обученія въ нихъ,—сначала азбукѣ церковно-славянской, а потомъ чтенію часослова и псалтири и затѣмъ наглядному ознакомленію съ церковными службами и богослужебными книгами, въ самомъ храмѣ, точь въ точь какъ это дѣлалъ Св. Меѳодій, вчиная просвѣщеніе вѣрою святою Славянъ, Моравовъ и Болгаръ. И знаете ли, какъ народъ русскій отнесся къ главнымъ двигателямъ этого святаго дѣла? Вотъ что говорятъ крестьяне 11-ти губерній въ благодарственныхъ адресахъ Первенствующему Члену Святѣйшаго Синода—Митрополиту Исидору и Оберъ-Прокурору Побѣдоносцеву: „чрезъ „эти школы, уповаемъ мы, наши отцы духовные приве„дутъ къ намъ Св. равноапостоловъ нашихъ Меѳодія и „Кирилла съ ихъ живописною, святою, божественной силы „исполненною грамотою церковно-славянскою. Наши дѣ„ти выучатся читать часословъ и псалтирь, и всякая „душеспасительная книга откроется имъ. Новые люди „зародятся въ народѣ; старая праотеческая набожность, „погибающая теперь, возникнетъ опять у насъ; древнія „добродѣтели оживутъ; духъ правый обновится во утро„бахъ русскихъ; духовная сила въ народѣ прибывать „будетъ. Чрезъ эту грамоту церковь воспріиметъ удоб„ность стать ближе къ народу съ своею благодатію. Все„го этого мы ожидаемъ отъ святой церковно-славянской „грамоты и только отъ нея одной. Пусть будетъ она „главною наукою у нашего народа. И того только чело„вѣка народъ нашъ назоветъ благодѣтелемъ вѣчнымъ,

назоветъ истинно-мудрымъ государственнымъ мужемъ, „кто утвердитъ и упрочитъ ему навѣки эту науку. О, „дайте, дайте намъ церковно-славянскую грамоту! это „ключъ нашего спасенія. Мы молимъ Бога, чтобы утвер„дилась въ народѣ эта святая грамота. Только тогда на„родъ нашъ будетъ и уменъ, и сытъ, и здоровъ духомъ „и тѣломъ, и силенъ, и счастливъ. А если церковная „грамота будетъ оставаться въ такомъ же пренебрежи„тельномъ положеніи, какъ теперь; то никакія школы „намъ не помогутъ.—

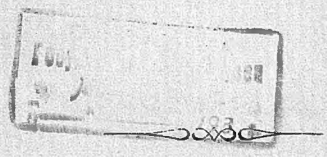
Въ этихъ заключительныхъ словахъ правда великая и неотразимая. Истинно: никакія школы не помогутъ истинно-доброму наученію въ духѣ христіанскаго благочестія, въ духѣ непоколебимой вѣрности престолу и отечеству, если предлагаемыя въ нихъ системы не пойдутъ рука объ руку, въ совершеннѣйшемъ мирѣ и согласіи съ святою церковію; если ея завѣтамъ и урокамъ не не предоставятъ первенствующаго значенія; если законъ Божій, не по мертвой только буквѣ устава, а на самомъ дѣлѣ станетъ первымъ предметомъ изученія, даже въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ. О, если бы въ основу нетолько общеобразовательныхъ школъ, но и всякаго спеціальнаго знанія поставлено было безусловнымъ требованіемъ болѣе тщательное и основательное знаніе церковно-славянскаго языка и знакомство съ богослужебными книгами и церковными уставами хоть чуть побольше, чѣмъ теперь. Тогда никакой спеціальной и общеобразовательной школѣ не страшно было бы ни за православіе своихъ питомцевъ, ни за ихъ вѣрность Престолу и отечеству; тогда не пришлось бы отцамъ хоть послѣдующихъ поколѣній стыдиться, какъ теперь, за свое неумѣніе и нерадѣніе—привить крѣпко къ душѣ своихъ

дѣтей первые уроки благочестія и православія подъ сѣнію своихъ домашнихъ очаговъ. Но послѣднее желаніе есть покуда только вожделѣнная мечта. Церковно-приходскія же школы уже стоятъ предъ нами какъ дѣйствительность. Вотъ объ нихъ-то и порадѣй, православный русскій человѣкъ, въ честь и славу безсмертной памяти своихъ равно-апостольныхъ учителей Святыхъ Меѳодія и Кирилла. Ихъ священныя изображенія съ сего времени конечно будутъ въ каждомъ православномъ храмѣ—вотъ и почти ихъ нелѣностнымъ приношеніемъ своей лепты на пользу распространенія въ народѣ русскомъ образованія въ ихъ духѣ апостольскомъ.

Итакъ молитвами Святыхъ Равноапостольныхъ Меѳодія и Кирилла да даруетъ намъ Господь всякое обновленіе въ вѣрѣ святой, въ любви и знаніи основныхъ началъ истинно-народной русской жизни! Отъ ихъ святыхъ трудовъ воспріяли они свое начало; подъ ихъ же святымъ покровомъ пусть спѣютъ и зрѣютъ они въ землѣ русской.

Рыбинскаго Собора Протоіерей
Іосифъ Ширяевъ.

6-го Апрѣля
1885 года.
Г. Рыбинскъ.



Кн. 6197